

ПЛАТОН ГОЛЕЦ

ГОРЕК ХЛЕБ ЧУЖБИНЫ

Часто в моей памяти всплывают потальные картины окраинной части малой России, именуемой в те времена Западной Белоруссией.

Там, по берегам заросшей камышами речушки в два ряда протянулись убогие хатенки села Табовичи. На восточной улице стояла ветхая, слегка накренившаяся на один бок избенка. В стенах этого убогого жилища, насквозь прокопченного дымом, и ютилась наша семья.

С раннего возраста мне довелось ощущать постоянно гнетущую, безрадостную жизнь моих односельчан.

Еще в десятилетнем возрасте я стал замечать беспокойство родителей. Отец мой всегда был насторожен и молчалив. Мать находилась в состоянии какого-то непонятного вечного страха.

Однажды, в субботу вечером, когда по стеклам тусклых окоп струились

мутные потоки осеннего дождя, мать уложила меня в постель раньше обычного. Наклонившись к моему изголовью, она прикоснулась дрожащими губами к моему лбу и тихо сказала:

— Спи, дитя мое, бог твой сон хранит.

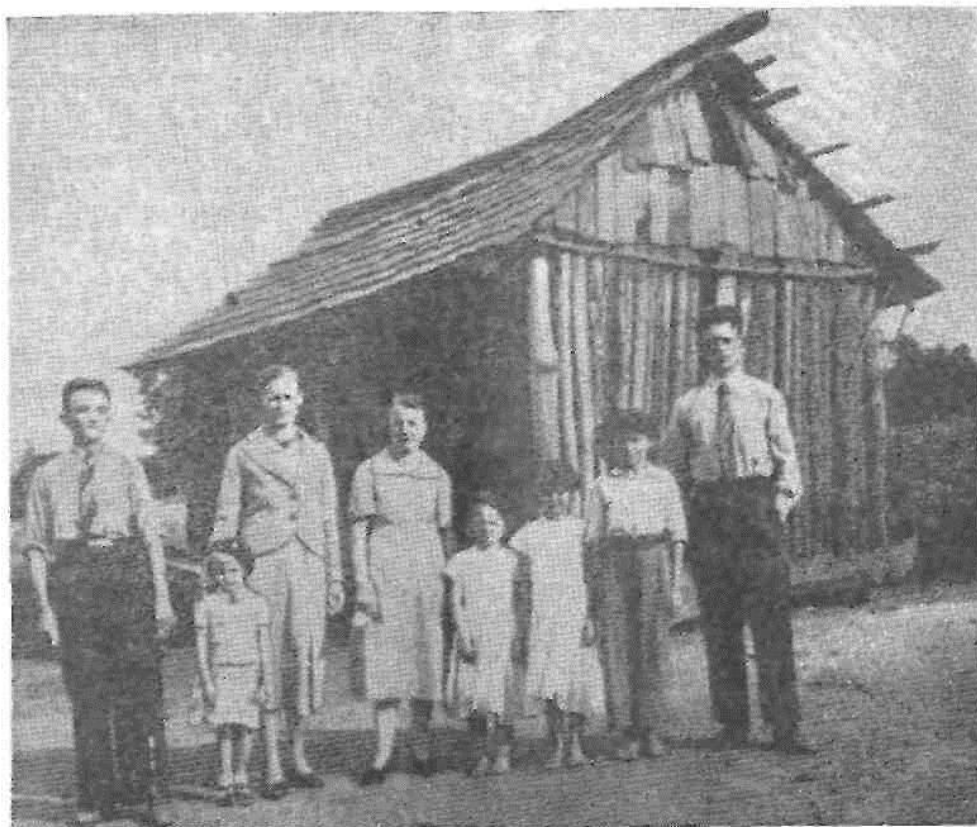
Я натянул на голову дерюгу, заменявшую одеяло. В хате было темно, пахло гарью коптилки.

Прислушиваясь к шепоту родителей, я насторожился и решил притвориться спящим. Вскоре они стали разговаривать уже вполголоса.

О-х-о-хо-хо!— послышался тяжелый вздох отца.— Кругом одна беда, одни страхи.— Ума не приложишь, как быть, куда податься? Подумать только, до чего дожились. Не слышно песен на родном языке. Полиция по пятам ходит. К кордону и близко не подступишь...

— Понимаю тебя, Петро. Пожалуй, нам не выбраться из этой пропасти,— поддержала отца мать.

«Так вот в чем кроется печаль и боязнь отца»,— подумал я.

Когда жилье было построено, оно походило на нечто среднее между сараем и шалашиком...

В тот вечер я долго не мог уснуть. Мне казалось, что по моему телу ползают мурашки. Ворочаясь с боку на бок, я все думал, чем бы помочь отцу. В душе моей рождалась ненависть к полицейским, к чиновникам, ко всему укладу пашей жизни.

С тех пор я часто спрашивал у матери про то, как живут наши родственники за кордоном и почему нас не пропускают к ним в гости? Вместо ответа мать нежно целовала меня в щеку и украдкой всхлипывала, не сказав ни слова. А когда я надоедал ей, то она мягко обрывала меня:

— Вырастешь большой — все поймешь.

Прошел год, и мне удалось узнать от деда Тимохи, что дорога из Табовичи в Восточную Белоруссию закрылась железной занавесью еще в то время, когда мне было от роду один год. Отец мой дважды пытался перейти границу, чтобы

него появились шрамы.

Самое страшное событие в моей жизни произошло в начале лета 1930 года. Отец мой, неведь от чего тяжело захворал, а через неделю скончался. После его смерти вся тяжесть нищенской и обездоленной жизни легла на мои хрупкие плечи. Забот оказалось много. Главная из них, как прокормить себя и безвременно седеющую мать. Собрав урожай, я торопился найти супругача и приступить к севу озимой. А так как урожай был скуден, то мы все время жили впроголодь.

Однажды в воскресный день, вернувшись из города Белостока, мать позвала меня в избу, окинула с ног до головы озабоченным взглядом, глубоко вздохнула и решительным тоном спросила: «Знаешь ли ты, сынок, что от троицы тебе пошел восемнадцатый год?»

— Знаю, мама! — еще не понимая, к чему клонит свою речь моя мать, ответил

Смотришь на своих детей и душа радуется...

попасть в Советскую Россию, но эти попытки дорого обошлись ему. На теле у

Мать встрепенулась, выпрямилась, подобрала распущенную косу, протерла слезящиеся глаза и заговорила:

— Я не хотела тебя огорчать до поры до времени, но теперь ты вырос и должен знать истинную причину преждевременной

я.

смерти твоего отца.

Затаив дыхание, я напряг слух, стараясь не упустить ни единого слова.

— Когда ты был еще мал,— продолжала мать,— мы с Петром собрались за долгие годы купить маленькое поместье — хату, крытую тесом, сарай под камышом и

три десятины поросшей осокой земли. Как сейчас помню, уплатили мы пану Матвеевичу всю стоимость подворья. Поверив ему на совесть, Петро не удосужился взять с него расписку. А когда сунулись мы с пожитками в купленный двор, пан Маткеевич вытаращил звериные глаза и во все горло заорал:

— Вон с моего двора, лохмотники!

— Как же так! — Мы за все уплатили вам, — возразил покойный отец.

Меткеевич по львиному зарычал, силой вытолкнул нас за ворота и вдобавок еще натравил на нас собак.

— А деньги вернул? — спросил я.

— В том-то и беда, что ни единого гроша не отдал. И куда только отец не обращался, властители всюду были на стороне богача Маткеевича.

Вскоре после этого случая не то от обиды, не то от побоев — так он мне и не сказал от чего — он слег и больше не поднялся. И осталась я тогда с тобой горе мыкать.

Тут мать покачала головой и умолкла.

— Мама, уедем, уедем отсюда! — вырвалось у меня. Хоть на край света, лишь бы уйти от этого произвола и нищеты.

Но уехать из Западной Белоруссии было не так-то просто.

И все-таки однажды ранней весной мне удалось подписать контракт на выезд в «страну чудес» (так тогда называли Америку). Условия соглашения для меня были тяжелыми. Нужно было найти средства на оплату далекого проезда. Нужны были средства и для пропитания. Но главное: я должен был выставить в место назначения аккредитив по пятьсот польских злотых на каждого члена семьи.

Продав все свое скромное состояние и собрав необходимую сумму денег, с надеждой на успех я отправился в агентуру.

Но агент отнесся ко мне не очень-то дружелюбно. Он окинул меня недоверчивым взглядом, ехидно ухмыльнулся и не без иронии сказал:

— Пожалуй, мы с вами, пан Голец, расторгнем наш договор.

Эта новость полоснула мое сердце так, как будто мне в грудь вонзили острый нож.

— Зачем же вы морочите людям головы, — отрывисто сказал я. — Зачем обманываете людей.

— Поймите, пан Голец, — с наигранной любезностью продолжал агент, — комиссия признала вашу мать к труду не пригодной. Да и от вас толку маловато. А в Америку берут только здоровых, сильных людей.

— Почему же вы раньше не сказали мне об этом? — не скрывая негодования, бросил я. — Ведь мы же распродали все свое имущество.

Агент ничего не ответил на мои доводы.

Между тем я весь дрожал. В зеркальном отражении я заметил, как лицо мое меняло окраску. Оно то бледнело, то багровело, а временами на нем появлялись белые пятна. Нижняя губа чуть вздрагивала. Я настолько озлобился, что готов, был пойти на преступление.

В кабинете воцарилась тревожная тишина.

— Ну, уж так и быть, пан Голец, — умиротворяющим голосом нарушил тишину агент, — коли вы уже в сборе, то вам я препятствовать не стану. Однако, с матерью вам придется расстаться. Ее не возьмут в Америку.

Я в бессилье опустил на стул.

— Есть один выход, — неожиданно спокойным голосом проговорил агент. — Вам нужно жениться на рослой сильной девушке.

В тот момент я согласен был на что угодно. Я молча кивнул головой и поспешил к выходу.

И надо сказать, что мне повезло. Я нашел такую девушку: высокую, гибкую, с живыми серыми глазами. Это была двадцатитрехлетняя Мария Трофимовна Антонич, которая находилась, так же как и наша семья, в отчаянном положении. Единственным ее вопросом ко мне был вопрос о том, скоро ли мы отправимся в дорогу. Я ответил, что это будет зависеть от того, как скоро мы оформим наш брак. Мария тут же дала свое согласие на бракосочетание.

Итак, дела мои вроде поправлялись. Я уже готов был отправиться в путь, но натолкнулся на новое препятствие — денег

на троих нам не хватало.

На помощь нам пришла моя мать.

— Благословляю, вас, дорогие мои,— сказала она. — Ради вашего счастья я готова на все. Вы езжайте, а я останусь здесь.

Мы с Марией поклялись матери в том, что в ближайшее время вытащим ее отсюда, и стали собираться в дорогу.

До наступления сумерков оставался один час, когда мы прибыли в порт Данциг.

У пристани толпилось множество народа. Повсюду слышались разноречивые разговоры. Тут говорили на польском, украинском, белорусском и других языках. Заглушая шум толпы, над моей головой слышался сильный басовитый голос. Я оглянулся в надежде увидеть человека-великана, но кругом копошились обыкновенные люди, а оглушительный бас вырывался из широкого горла голубой трубы, подвешенной на верху здания.

— Дорогие братья и сестры,— неслось из трубы,— переселяйтесь за океан. Америка — страна чудес и процветания. В нашей стране простой неимущий человек может стать купцом, промышленником, рыбаком или фермером. А умелые дельцы очень скоро смогут нажать миллионное состояние.

— Эх, скорей бы добраться до места! — вырвалось у меня. Но жена моего восторга почему-то не разделила.

Вскоре шум толпы был заглушен зычным гудком парохода, стоящего у пристани. Толпа двинулась к опущенному трапу. Толкая друг друга, пассажиры торопились занять лучшие места. Но вахтенный распределял места по-своему. Тот, кто имел деньги занимал лучшие каюты, а простой обнищавший люд ютился по углам. Женщины расстилали свои лохмотья и устраивались на палубе.

Вскоре суэта прекратилась, и пароход отчалил от пристани. В зареве скрывающегося за горами светила казалось, что город медленно погружается в морскую пучину.

Мучительно долгий путь пришлось нам проделать. Только на двадцатый день, до предела измученные морской болезнью, мы с трудом выбрались на неизвестный берег.

...Город Кармин выглядел уныло. В тени деревьев, сгрудившихся на узенькой площади, крутили хвостами и сердито топали копытами десятка два ослов и лошадей, запряженных в старенькие, изрядно потрепанные кареты.

— М-а-ис! Маис! Маис! — горланило несколько подростков. Юноши и девушки с черным загаром кожи, одетые в ситцевые, пестрящие заплатками халаты, бойко предлагали прохожим вареные початки кукурузы. Извозчики, затянув жгутяной веревкой заляпанные грязью одеяния, встречали приезжих улыбкой и что-то бормотали на незнакомом нам языке.

Переночевав кто где мог, наутро переселенцы разбрелись по широким просторам Латинской Америки.

Наша группа в сопровождении русского белогвардейца Васильева потянулась к месту указанного нам поселения. Прошагав от города километров тридцать по ухабам и проселочным дорогам, мы остановились.

— Вон, братцы, те зеленые уголья, которые выделены для переселенцев, — сказал Васильев, указывая на склон горы, покрытой сплошным девственным лесом.

Вскоре мы уже пробирались в глубь лесной чащи, вслушиваясь в тоскливый визг обезьян. Путаясь в кустарниках, Мария вдруг как шальная прижалась ко мне и зарыдала, вздрагивая всем телом.

Вначале я не мог понять, что случилось с моей женой.

«Уж не змея ли ужалила», — подумал я и стал тщательно осматривать поцарапанные ноги Марии. Не обнаружив следов укуса, я стал всячески успокаивать жену, хотя сам не верил в то, что говорил ей.

Наконец, мы прибыли к отведенному нам месту. Три дня мы ходили по своей будущей усадьбе и не знали, с чего начинать.

На четвертое утро, сговорившись с Иваном Малофеевым, Володей Евшель и Антоном Лобановским (это люди, с которыми мы познакомились в пути), приступили к сооружению жилья. Когда жилье было построено, оно походило на нечто среднее между сараем и шалашом.

Спустя две недели я снял свой аккредитив и все до гроша выслал матери.

Подтянув животы, мы с Марией пошли работать на чужие плантации. В течение недели под лучами раскаленного солнца гнули спины на чужом поле, а в воскресные дни без отдыха пилили на арендованном участке огромные деревья-тамбе. Спиленные и разрезанные на мелкие части стволы шли на топливо.

Напуганные треском деревьев и ударами топоров обезьяны пищали и металась в поисках нового убежища.

Переселенцы, хотя и безрадостно, но постепенно смирились с тяжелой заокеанской жизнью. Семья наша с каждым годом все увеличивалась. Первой в нашей хижине появилась долгожданная мать, а вскоре у нас с Марией народилась дочь. Спустя два года в доме прозвучал голос второго новорожденного...

Время проходило в упорном труде, в постоянных заботах о пропитании семьи.

Однажды воскресным вечером мы услышали печальную весть: гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз.

Тяжелые думы бродили в моей голове. Хотелось хоть как-то помочь своим единокровным братьям.

Как-то вечером я заглянул в почтовый ящик и извлек оттуда открытое письмо, написанное ровным почерком на русском языке.

«Братья славяне, знаете ли вы, что над Россией нависла смертельная опасность? Все свободолюбивые народы должны оказать помощь героическому советскому народу», — говорилось в письме.

Разыскав подпольный комитет, который занимался распространением листовок, я вместе с другими земляками занялся сбором средств, предназначенных для советских людей.

Душа моя болела, хотелось уйти туда, где стонала под завесой порохового дыма русская земля. Тоска по Родине ни днем, ни ночью не давала мне покоя.

О том, как развертывались события на фронте, от нас скрывали. Даже радио из Москвы запрещали слушать. Но вот настал, наконец, торжествующий час. С величайшей радостью мы услышали передачу о победоносном окончании войны.

Но эта радость вскоре вновь утонула в тяжелых заботах и изнуряющем труде. И так продолжалось еще долгое время.

Летом 1949 года я неожиданно познакомился с Иосифом Олексиним. С первых дней нашей встречи у нас завязалась дружба. Да оно и понятно. Его мысли и мои оказались общими. Иосифа, так же как и меня, терзала тоска по родным местам.

Мы каждый вечер обсуждали с ним насущные вопросы нашей жизни. Больше всего говорили о будущем. Никто из нас не терял надежды на возвращение в Россию.

В Парагвае нарастали волнения. Многие наши собратья так же, как и мы, добивались разрешения на выезд в Советский Союз. Но получить визу было невозможно.

В Парагвае, да и Аргентине в то время не было официальных представителей из Советской России, через которых можно было бы узнать правду. К тому же у меня не было средств на проезд. За двадцать лет упорного труда я не смог отложить сбережений на оплату дороги. Между тем тоска парализовала мою душу. Больше всего я думал о будущем своих детей, которых к этому времени стало уже четверо.

И вот после долгих терзаний и мытарств, наконец-то, блеснул светлый лучик надежды.

Была весна 1955 года. День подходил к концу. Облака поредели. Раскаленное солнце склонилось к вершинам деревьев.

Я сидел в хижине, облокотившись на стол и обдумывал план поездки в Россию. Мысли мои были оборваны скрипом дверей. В хату влетел Иосиф. Лицо его сияло, как утренняя заря, а на потрескавшихся губах играла широкая улыбка.

— Платон! Новость-то, новость-то какая! — прямо с ходу выпалил он.

— Ну, говори же толком, что случилось? — спросил я, не понимая, в чем дело.

— Настал долгожданный час. Ты понимаешь, оказывается, в Аргентине работает Советское консульство.

— Неужели это правда? — воскликнул я.

— Говорят, что да,

— В посольство, в посольство

завтра же!— задыхаясь от восторга и обнимая Иосифа, воскликнул я.

— Постой, друг мой, не суетись, как муха в лоханке, — успокоившись, сказал Иосиф.— Сначала нужно не в посольство, а к заведующему делами русских эмигрантов...

На второй день я постучал в дом. Васильева. В приемной открылась дверь, и ко мне подошла полная женщина лет сорока, в цветном шелковом халате.

— Чего вам угодно, синьор?— протяжно заговорила она ломаным русским языком, дополняя разговор испанскими словами.

— Мне нужен господин Васильев.

Хозяйка вяло кивнула головой и приоткрыла боковую дверь. Из опочивальни потянуло острым запахом лекарств. Получив разрешение на прием, я, осторожно ступая по широким цветным ковровым дорожкам, вошел в спальню. Приблизившись к кровати, на которой, опершись локтем на большую подушку, лежал парализованный Васильев, я тут же подал свое прошение.

Васильев медленно приподнялся, надел очки, подтянул подушку и только тогда начал читать. Пробежав глазами несколько строк, он вдруг съезжился, лицо его побледнело, а глаза заискрились, как горящие угольки. Не скрывая гнева, он взглянул на меня и заговорил дрожащим голосом:

— Не могу понять, синьор Голец, чем же вызвана эта неразумная затея? Добрые люди убегают от коммунистического произвола, а вы добровольно лезете в этот адский котел. Уверяю, что скоро вы очнетесь и пожалеете о своем безумии. Но, увы, будет поздно. Оттуда вас не выпустят. Погибнете там, как букашки. Хотя бы детей пожалели. Вы же им искалечите всю жизнь.

«Хватит мне вашей пропаганды, вдоволь ее хлебнул»,— чуть не вырвалось с моих уст, но подумав, как бы хуже не было, заговорил несколько мягче.

— Господин заведующий! — сказал я,— мы переселенцы неоднократно слышали такие доводы. Но это мое личное дело. Допустим, что я погублю детей, но не ваших же, а своих. Я предпочитаю лучше погибнуть всей семьей на родной земле, чем

так вот чахнуть на чужбине.

Сказал это и посмотрел на Васильева. Он долго молчал, и вдруг слезы градом покатались у него из глаз. Я несколько растерялся. Такого оборота я никак не ожидал.

Успокоившись, Васильев попросил бумагу, которую он первоначально отбросил, и молча дрожащей рукой подписал мое прошение.

В среду на следующей неделе я добрался до столицы Аргентины. В Буэнос-Айресе я нашел нужное мне учреждение и усталый, возбужденный чувством радостного ожидания, вошел в помещение.

И вот я стою лицом к лицу перед человеком, который должен решить судьбу моей семьи. Это был представитель Советского консульства товарищ Гончаров. Хотелось высказать товарищу Гончарову все, что накопилось в моей душе, но мысли в голове путались, и я не знал, с чего начать разговор. И я молча подал ему свое заявление.

Гончаров быстро прочитал мою бумагу, приподнял голову и сказал:

— Очень рад, что мне первому посчастливилось протянуть руку братской помощи от имени советского народа тем, кто десятки лет скитался по чужим странам. История подсказывает, что счастье на чужбине найти нелегко.

Взглянув на мой изрядно потрепанный жакет и засаленный воротник сорочки, Гончаров мягко спросил:

— А средства у вас есть на оплату дороги?

Краснея и моргая глазами, я с трудом ответил:

— Денег у меня хватит только на троих, а семья со мной — семь душ.

— Ну, ничего, — тепло сказал консул,— это дело поправимо. В конце месяца всю вашу семью отправим в Россию,— и проводил меня в зал ожидания.

Пока я находился в Буэнос-Айресе, жена и мать моя торопливо укладывали в сундучок свои нехитрые пожитки. А когда я появился у ворот, мои питомцы бросились ко мне на шею.

— Папа, папа! Скажи, когда мы поедем в Россию?— все хором трубили они,

а узнав, что скоро, от радости чуть не задушили меня в своих объятиях.

Мать, склонившись на мою грудь и обливаясь слезами, тихо проговорила:

— Как я рада, сынок, как я рада! Хоть жизнь моя и подходит к концу, меня утешает то, что мое вы страдавшее тело будет покоиться на родной земле.

Был ясный, солнечный день. Распластавшееся море было тихое и покорное. Оторвавшись от пристани, наш корабль стал заметно набирать скорость.

Далеко остались позади заморские страны. Мимо проплыли неизвестные острова. И вот, наконец, в разноцветном зареве поднимающегося солнца показался берег родной земли.

— Россия! Россия!— воскликнул кто-то.

Мы стояли на палубе как замороженные. Перед моим взором, словно в волшебной сказке, выросли заводские трубы огромного города-порта, а ниже красовались величественные здания. Несколько десятков корабельных труб выбрасывала синеватые струйки дыма. И все это сливалось в единый силуэт и маячило, как на экране.

Как только мать ступила на сушу, она молча опустила на колени и нежно поцеловала родную землю.

На следующее утро мы уже качивались в уютных вагонах, направляясь к цветущим долинам Кубани. За окнами, будто морские волны, колосились пшеничные поля. Наполненные зрелыми зернами, колосья низко кланялись, по-русски приветствуя нас.

Из громкоговорителя раздался голос: «Граждане пассажиры, поезд подходит к станции Невинномысск».

Итак, наша жизнь вступала в новое русло.

Вскоре меня устроили на работу, всей семье предоставили квартиру.

Окруженный теплотой и заботой заводского коллектива, я отдавал всего себя работе и не чувствовал усталости.

Первое сентября 1955 года. Мои дети: Глаша, Леня и Володя — пошли в школу.

— Ой, сколько ласковых и теплых слов выражали нам и школьники, и учителя

в первые дни нашей встречи,— с радостной улыбкой рассказывает Леня.

К нам в комнату каждый день после работы приходили соседи и товарищи по работе. И каждый спрашивал про то, как мы живем, не скучаем ли по Америке?

Частенько навещал нас и главный инженер завода Макар Корнеевич. И все спрашивал: «Возможно, ты, Платон Петрович, своей зарплатой не обеспечиваешь семью, то напиши в завком заявление, мы поможем».

— Да сколько же можно помогать, еще и за ту помощь, что получил, не отработать за всю свою жизнь, — шутил я.

Время шло. Пролетали годы. На заводе многое изменилось. Недавно мы освоили новое оборудование. В поселке появились добротные новые дома. А заводские здания утонули в зелени. Макар Корнеевич давно уже стал директором, а Андрей Федорович, бывший мастер завода, главным инженером.

Я живу в своем домике, утопающем в саду. В часы досуга ко мне частенько заходит мой старый друг Иосиф Олексин. Усевшись под ветвистой яблоней, мы говорим о делах завода, радуемся успехам коллектива. А временами вспоминаем те тяжелые времена, которые нам довелось прожить с ним за океаном.

Нам приятно, что каждый из нас чувствует себя хозяином и в доме, и в цеху. Как хорошо, что мне удалось вырвать своих детей из той трясины, в которую бросила нас судьба. Смотрю на них и глазам не верю. Все четверо изменились до неузнаваемости. От прежних тревог не осталось и следа. Они теперь грамотные, любознательные и смелые. А в Парагвае все, что они достигли на родине, можно было увидеть только в сновидении. Кто бы мог поверить, что дочь моя Глаша успешно закончит педагогический институт и будет работать преподавателем иностранных языков.

А сыны — те просто выглядят гвардейцами. Старший, Леня, сразу после школы ушел в армию. Закончив военную службу, он устроился работать шофером. Младший, Володька, после учебы решил остаться работать со мной на заводе. А потом дирекция послала его на учебу.

Смотришь на своих детей, и душа радуется. А все то, что осталось там, за океаном, проплывает в сознании, как дурной сон.

Литературная запись

К. ВЕТКАЛОВА.

